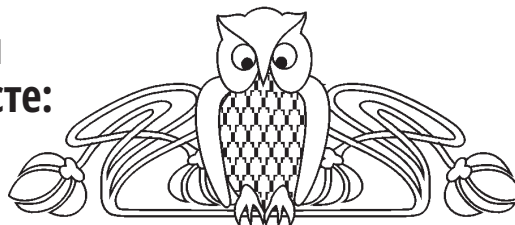

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 385–391
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 385–391
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-385-391>, EDN: SULHQY

Научная статья
УДК 821.161.1.09-2+929

Моделирование речевого поведения персонажей в драматургическом тексте: комплексный подход

Е. И. Рогожина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рогожина Елена Игоревна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Аннотация. В статье предлагается разработка комплексной методики для изучения речевого поведения героя-интеллекта на материале пьес и киносценариев советских драматургов 60–80-х гг. XX в.: Валентина Азерникова, Алексея Арбузова, Владимира Арро, Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова, Александра Вампилова, Александра Володина, Леонида Зорина и др. Рассматриваются методические подходы к исследованию речевого поведения литературных персонажей, относящихся к одной социальной группе. Анализируются модели языковой личности и модели речевого поведения. В терминологическом аппарате подходов используются такие понятия, как языковая, речевая, коммуникативная, или дискурсивная, личность; языковое, речевое, коммуникативное, или дискурсивное, поведение, а также единицы описания речевого поведения: речевые акты, операции, действия, шаги, речевые, или коммуникативные, стратегии и тактики, речевые жанры, речевые поступки и модели речевого поведения. В работе найдены точки пересечения рассмотренных подходов и намечены перспективы исследования. Сделан вывод о необходимости проведения контрастного исследования, которое позволит сравнить коммуникативные особенности поведения представителей разных социальных групп в типовых коммуникативных ситуациях и выявить специфические модели речевого поведения, с помощью которых авторы создают героя-интеллекта 60–80-х гг. XX в. К перспективам исследования относятся: рассмотрение различных коммуникативных ситуаций в художественных текстах с участием только представителей интеллигенции или героя-интеллекта и представителя другой социальной группы; анализ формальных и неформальных ситуаций общения, статус коммуникантов, соблюдение участниками коммуникации норм этикета, эмоциональность и аргументированность общения, способы выражения оценки, влияние на организацию коммуникации, а также другие лингвистические и экстралингвистические факторы.

Ключевые слова: речевое поведение, модель речевого поведения, языковая личность, речевой портрет, интеллигент, речь персонажа

Для цитирования: Рогожина Е. И. Моделирование речевого поведения персонажей в драматургическом тексте: комплексный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 385–391. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-385-391>, EDN: SULHQY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Patterns of characters' speech behavior in a dramaturgical text: A complex approach

E. I. Rogozhina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena I. Rogozhina, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Abstract. The article offers the development of the complex methodology for the study of the speech behavior of the intelligentsia characters. The material of the research is the plays and screenplays of the 60–80s of the 20th century by the Soviet authors such as Valentin Azernikov, Alexei Arbutov, Vladimir Arro, Emil Braginsky and Eldar Ryazanov, Alexander Vampilov, Alexander Volodin and Leonid Zorin, and others. The article considers methodological approaches to the study of the speech behavior of literary characters belonging to the same social group. Patterns of linguistic persona and patterns of speech behavior are analyzed. The main definitions applied within the scope of the approaches are linguistic, speech, communicative, or discursive persona; linguistic, verbal, communicative, or discursive behavior, as well as units of description of speech behavior: speech acts, parameters, actions, steps, speech or communicative strategies and tactics, speech genres, speech acts and speech behavior patterns. The approaches under consideration are discovered to have points of convergence, the prospects of developing the research are outlined. It is concluded to be necessary to conduct a contrastive study, namely, to compare the communicative features of the behavior of the members of different social groups in typical communicative situations and to identify specific patterns of speech behavior, which

the authors use in creating the intelligentsia characters of the 60–80s of the 20th century. The prospects of the study include the consideration of various communicative situations with the participation of only intelligentsia members, or an intelligentsia character and a member of another social group; formal and informal communication situations, the status of communicants, communication participants complying with etiquette norms, emotionality and reasonableness of communication, ways of expressing evaluation, influence on the organization of communication, as well as other linguistic and extralinguistic factors, should be taken into account in the study.

Keywords: speech behavior, speech behavior patterns, linguistic persona, speech portrait, an intellectual, character's speech

For citation: Rogozhina E. I. Patterns of characters' speech behavior in a dramaturgical text: A complex approach. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 385–391 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-385-391>, EDN: SULHQY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В статье представлен обзор методических подходов для исследования речевого поведения представителей отдельной социальной группы на примере **героя-интеллекта** на материале пьес и киносценариев советских драматургов 60–80-х гг. XX в. Валентина Азерникова, Алексея Арбузова, Владимира Арро, Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова, Александра Вампилова, Александра Володина, Леонида Зорина и др. Выбор текстов данного временного периода обусловлен историко-культурологическими причинами: портрет советского интеллекта менялся на протяжении XX столетия. В первые десятилетия советской власти литературный герой-интеллигент имел пародийное звучание, нередко становился объектом насмешек, а само слово имело негативный оттенок. Несмотря на то что интеллигенция является маркированной социальной группой, в литературе 60–80-х гг. герои уже не предстают как исключительно отрицательные или положительные персонажи. Изучение речевого поведения героя-интеллекта позволит продолжить исследовательскую традицию изучения разных аспектов речевого портрета интеллекта, которую заложили Е. Д. Поливанов [1], Л. П. Крысин [2] и В. И. Карасик [3].

В современной лингвистической литературе отсутствует выработанная методика анализа речевого поведения литературных персонажей, принадлежащих к отдельной социальной группе, в связи с этим представляется необходимым сформировать комплексный подход, обратившись к различным исследовательским концепциям и теориям и проиллюстрировав их примерами из нашего материала.

Драматургический диалог активно начал рассматриваться с лингвистической точки зрения во второй половине XX в. как разговорная речь в эстетически трансформированном виде в работах М. Б. Борисовой [4], Т. Г. Винокур [5], Г. Г. Полищук [6], В. В. Виноградова [7], О. Б. Сиротининой [8] и др.

Обращаясь к художественному, а в частности драматургическому, диалогу, исследователи занимаются соотношением его с живой речью, анализом лексико-фразеологических средств,

речевой семантики, а также фонетических, интонационно-синтаксических и ритмических пластов художественной речи [9, с. 245–247]. Лишь в последние десятилетия в работах начинают освещаться проблемы коммуникации в драматургическом дискурсе [10, 11]. Коммуникация в художественном тексте может рассматриваться в лингвистическом, лингвопрагматическом и семиотическом аспектах [12].

Особое место в лингвопрагматическом подходе посвящено описанию речевого поведения языковой личности литературного персонажа. Художественная литература наряду с другими видами искусства понимается как вторичное моделирование действительности, а художественный диалог – как специфическая модификация естественного диалога, один из способов организации высказываний персонажей [13, с. 72], а также «обобщенная модель из языка той области жизни, которую отображает автор» [12]. «Художественный диалог в действительности не диалог персонажей, а представленный в виде диалога монолог самого автора» [7, с. 198]. Таким образом, литературный герой представляет собой «модель человека» [14], которую создает писатель исходя из своего понимания человека, рассматриваемого с некоторой точки зрения [15, с. 4], при этом конструирование речевого поведения персонажа не является «фотографическим воспроизведением» и «слепым копированием».

Рассматривая феномен речевого поведения, исследователи обращаются к терминам, которые можно поделить на три группы:

1) *личность* (языковая, речевая, коммуникативная, дискурсивная); речевой портрет; речевая характеристика; речевое воплощение образа;

2) *поведение* (коммуникативное, речевое, дискурсивное, языковое);

3) *единицы* описания речевого поведения:
– речевые акты/операции/действия/шаги;
– речевые (коммуникативные) стратегии и тактики;

– речевые жанры;

– речевые поступки;

– модель речевого поведения.

В основу большого числа современных работ по лингвоперсонологии легла *трехуровневая*

модель языковой личности Ю. Н. Караулова, для ее создания предполагалось использование лексикографического метода и трехуровневой модели лексикон – тезаурус – прагматикон [16]. В качестве иллюстрации Ю. Н. Караулов приводит пример «реконструкции языковой личности на базе дискурса персонажа в художественном произведении» [16, с. 9] и уделяет большое внимание роли «прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» [16, с. 216]. Так, в нашем материале мы можем часто наблюдать обращение представителей советской интеллигенции к именам поэтов и писателей, библейских персонажей и литературных героев. Авторы, моделируя речевое поведение героев-интеллектуалов в своих произведениях, вкладывают в их реплики прецедентные феномены, например с помощью стилистического приема *прономинация*, который состоит в использовании имени собственного в нарицательном значении для характеристики персонажа:

Таня. Я запрещаю вам его оскорблять. Да, у Геннадия трудный характер. Люди долго были к нему несправедливы, но в душе он поэт.

Вилкин. Тоже мне поэт! Омар, видите ли, Хайям [17, с. 254].

Использование в одном контексте имени знаменитого персидского поэта, междометия «тоже мне» и вводной конструкции «видите ли» придает высказыванию иронический тон. Именем главного героя пьесы Мольера «Тартюф» часто называют обманщиков:

Костик (глядя на листок, снимает трубку). Звякнуть ей, что ли, на старости лет? (Неожиданно вешает трубку.) Пусть живет безмятежно. (Уходит за теткой).

Велюров. Тартюф [18, с. 123].

Речевым маркером героя-интеллектуала также является цитирование поэтических строк. Так, Лев Хоботов в пьесе «Покровские ворота» для описания своих чувств вспоминает стихотворение «Великодушие смягчает сердца» А. К. Толстого:

Хоботов (с горькой усмешкой). Вонзил кинжал убийца нечестивый в грудь Деларю. Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво: благодарю [18, с. 168].

Развивая идеи Ю. Н. Караулова, Л. Н. Чурилина в своей работе предлагает модель языковой личности, соотношенной с реальным социальным типом «нигилист» на материале высказываний персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Петра Верховенского и героини романа Н. С. Лескова «На ножах» Анны Скоковой. В структуре модели «языковой личности» Л. Н. Чурилиной рассматривается «индивидуальный лексикон персонажа, индивидуальная картина мира (кон-

цептосфера) и прагматикон, или эксплицируемые в тексте коммуникативные тактики и стратегии индивидуума» [19, с. 8]. Безусловно, конструируя модель речевого поведения героя-интеллектуала, невозможно отказаться от анализа лексикона, так благодаря архаичной, книжной лексике создается речевой портрет интеллектуала:

Багров. Хорошо, кабы вышло. Рассуждайте без фанаберии [20, с. 450].

Колесницын. Так его, Ираида Ярославна, так. Нечего папильона изображать. Не юноша. А еще философ! [21, с. 154]

Слово *папильон* устаревшее и имеет то же значение, что и «бабочка», «мотылек». Образ нежного создания в общепринятом восприятии не соответствует стереотипу, который должен транслировать настоящий мужчина. Так насмешливо герой реагирует на неуспешную попытку коллеги флирта с девушкой.

В исследовании Г. Г. Хисамовой выделяется два типа языковой личности: конфликтный («энергичные», «крепкие» люди и «демагоги») и центрированный («чудики») в рассказах В. М. Шукшина [22, с. 269–314]. С. Р. Ишмуратова [23] продолжает исследование в заданном направлении и сравнивает типы языковой личности в рассказах В. М. Шукшина и В. П. Астафьева, описывая их в социально-психологическом, гендерном и национально-культурном аспектах и характеризуя особенности их речевого поведения с помощью выявления ведущих стратегий и тактик. Во многих работах большое внимание уделяется особой коммуникативной стратегии – «речевой маске» [23–25].

Параллельно с термином «языковая личность» в отечественной лингвистике используется понятие «речевой портрет», а также «коллективная языковая личность» и «коллективный речевой портрет». Так, в статье Л. В. Полубиченко [26] рассматривается речевой портрет коллективной культурно-языковой личности советского москвича 1930-х гг., автор описывает интонацию, лексические и стилистические средства, синтаксические конструкции, а также речеповеденческие тактики. «Узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества», называют *лингвокультурными типажам* [27, с. 8], а их наиболее яркие примеры – *модельными личностями*. Многообразие подходов позволяет рассмотреть всевозможные грани языковой личности литературного героя, включая речевое поведение персонажа, однако остается нерешенным вопрос, каким образом автор может моделировать поведение целой социальной группы в рамках художественного текста.

Вслед за Т. Г. Винокур под термином «речевое поведение» мы понимаем «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, которые отражают специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [28, с. 159]. Характеризуя речевое поведение, различают его вербальное и невербальное выражение. В драматургических произведениях невербальное поведение персонажа представлено в авторских ремарках и реализуется благодаря паралингвистическим средствам, среди которых значительное место отведено интонации, фонации, паузам, а также кинесике, к которой относятся жесты, мимика и пантомимика.

Так, И. Н. Борисова рассматривает коммуникативное поведение как наиболее широкое из трех понятий: в нем выделяется по критерию вербализованности, словесной выраженности речевое и неречевое поведение. «Таким образом, *речевое поведение* – это вербализованная, словесно выраженная часть коммуникативного поведения» [29, с. 144].

Модели речевого поведения конструировали И. Н. Борисова [29–31], Е. Ю. Гетте [32], В. Гладров и Е. Г. Которова [33].

И. Н. Борисова разрабатывает *структурно-динамическую модель речевого поведения* и предлагает рассматривать речевое поведение как синтагматическую последовательность *речевых поступков*. Она подчеркивает: «Коммуникант совершает речевой поступок, когда требуется разрешение некоторой проблемной прагматической ситуации коммуникативными средствами, совершая речевые действия» [30], и принимает речевой поступок за дискретную единицу описания речевого поведения. По мнению исследователя, речевой поступок обладает «всеми свойствами речевого поведения: вербализованностью, семиотичностью, контекстной обусловленностью, синтагматической, социальной и психологической детерминированностью» [29, с. 181–182]. Внутренняя структура речевого поступка состоит из следующих этапов: *мотивирующее коммуникативное состояние* в контексте текущего диалогического взаимодействия (фатическое, интеллектуальное, волевое, эмоционально-оценочное); *коммуникативный смысл* речевого действия (запрос/передача информации, поощрение, одобрение, выражение оценки или эмоции и др.); формирование коммуникативной *интенции* (прагматический выбор); *языковое оформление* (стилистический выбор) [29, с. 145].

В процессе формирования речевого поступка И. Н. Борисова условно выделяет два этапа (когнитивный – доречевое планирование, и речевой – языковая реализация) и два аспекта

(интерактивный – социальная интеракция, и собственно коммуникативный – речевое взаимодействие). В первой фазе доречевого этапа речевого поступка происходит выбор *коммуникативной тактики* (КТ), во второй фазе – выбор *речевого жанра* (РЖ), в третьей фазе – языковое кодирование речевого жанра в формах языка общения в конкретном высказывании – *речевом шаге* (РШ). В результате полная динамическая структура речевого поступка предстает в виде формулы: РП = КТ – РЖ – РШ. Коммуникативное намерение, речевая интенция (РИ), выполняет объединяющую функцию и лежит в основании классификации речевых актов, речевых жанров и коммуникативных тактик [31, с. 90].

На основе существующих коммуникативных теорий (теории речевых актов, теории речевых жанров, теории коммуникативных стратегий и тактик) И. Н. Борисова создает функционально-прагматическую классификацию речевых поступков на основании их коммуникативного смысла. Эта классификация речевых поступков была применена к анализу коммуникации в художественном тексте: Л. Г. Бабенко и М. В. Ползунова [34] рассмотрели жанр «признание в любви» и продемонстрировали эффективность этого подхода.

Е. Ю. Гетте [32] разрабатывает параметрическую модель описания гендерного коммуникативного поведения на основе модели описания национального коммуникативного поведения И. А. Стернина. Структура модели содержит уровни единиц разной степени обобщения:

- более 20 факторов, объединяющих наиболее обобщенные признаки;
- более 100 параметров;
- более 500 признаков, представляющих собой наиболее детальную характеристику коммуникативного поведения [32].

В. Гладров и Е. Г. Которова [33] предлагают модель речевого поведения (МРП) в качестве базовой единицы коммуникативно-прагматического анализа. МРП лежат в основе стереотипных коммуникативных действий и «включают в себя некий набор вербальных (и/или невербальных) действий и распространяются на повседневные ситуации межперсонального общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком» [33, с. 29]. Модели такого рода используются в контрастивных исследованиях коммуникативного поведения представителей разных лингвокультурных сообществ. Рассматривая коммуникативное поведение в русской и немецкой культуре, авторы используют три группы МРП: 1) *этикетные речевые действия* (приветствие, прощание, благодарность, извинение, поздравление, знакомство, комплимент,

соболезнование); 2) информирующие речевые действия (согласие, отказ, пожелание, приглашение, обещание, разрешение, упрек, оскорбление); 3) побудительные речевые действия (просьба, совет, предложение, предостережение, угроза, запрет) [33].

Представленные подходы, на наш взгляд, имеют множество точек пересечения, которые могут лечь в основу комплексной методики.

1. *Нормы этикета*: И. Н. Борисова выделяет «социально-этикетные экспрессивы (социативы)», одним из факторов параметрической модели Е. Ю. Гетте является «соблюдение норм речевого этикета», а «этикетные речевые действия» составляют целую группу моделей речевого поведения В. Гладрова и Е. Г. Которовой. Герои-интеллигенты тяготеют к этикетным формам обращения даже в ситуациях конфликта, о чем свидетельствует так называемая куртуазная агрессия. Например, этикетное обращение с притяжательным местоимением *мой* в конфликтном общении сигнализирует об упреке:

Маргарита. Я полагаю, что ты, мой друг, не уподобишься обывателю [18, с. 132].

Гребешков. Слушайте, милый мой, надо и честь знать [21, с. 182].

2. *Организация коммуникации*: факторы Е. Ю. Гетте «установление коммуникативного контакта», «поддержание коммуникативного контакта», «характер выхода из коммуникации», «тематическая направленность общения», «коммуникативный контроль», «коммуникативная доминантность» и «регулятивность» пересекаются с «коммуникативными регулятивами» И. Н. Борисовой. В нашем материале одним из примеров является прерывание коммуникативного акта, в котором перформативные глаголы используются с отрицательной частицей *не*:

Вилкин. Во-вторых, он неудачник...

Таня. А для вас существуют только преуспевающие? В таком случае мне вас жаль <...> Довольно! Я не хочу слушать [17, с. 255].

3. *Эмоциональность общения*: фактор «коммуникативная эмоциональность» Е. Ю. Гетте и «эмоционально-личностные экспрессивы (эмотивы)» И. Н. Борисовой. Для того чтобы выразить возмущение персонажа, автор может использовать прием экспрессивной цитации, которая выражает отрицательное отношение к словам собеседника:

Надежда. Вы, Орест Иванович, как будто не в настроении?

Мужеский. А почему я должен быть в настроении? Я, видите ли, не в настроении!.. Просто смешно!

Надежда. Так вот именно теперь с ним надо быть чутким

Мужеский. На каком основании я должен быть чутким? [21, с. 146]

4. *Выражение оценки*: фактор «коммуникативная оценочность» Е. Ю. Гетте и «валюативы» И. Н. Борисовой. Для представителей творческой интеллигенции большое значение имеет оценка таланта или результата деятельности человека:

Вилкин. <...> явится это недоношенное дарование – и вы засияете, как майское солнышко [17, с. 254].

Рафаэлев. А Ночуев – хормейстер. Профессинал. Он-то знает. Сочиняют мелодию, к ней подбирают бессмысленный текст. Он у них называется «рыба»... <...> И уж под рыбу пишутся вот такие стишки. Такие ж бессмысленные <...> Как называется его сборник? «Мои песни? Надо бы «Мои рыбы» [35, с. 559].

В последнем примере слово «рыба», принадлежащее к профессиональному сленгу музыкантов и означающее предварительный вариант песни, произносится героем с пренебрежением.

5. *Аргументирование*: факторы «аргументированность», «обсуждение разногласий» Е. Ю. Гетте и «экспликативы» И. Н. Борисовой. Умение вступать в дискуссию и приводить аргументы логического характера или в виде манипулятивных психологических приемов также выделяет героев-интеллигентов:

Витальев (запальчиво). Вы недооцениваете идейного богатства этих мифов, Гордей Петрович. Все античные философы, если хотите, оттуда вышли. <...> (теряя эспаньолку) Позвольте, но ведь мы институт философии и литературы. У нас свой круг вопросов. <...> Всякая наука имеет свои границы... <...> Если вы имеете в виду историю материальной культуры, то ведь на это есть знатоки, уважаемые люди, они занимаются ею всю жизнь. Вторгаться в их область мне, философу, попросту неудобно... [21, с. 195–196].

6. *Побуждение*: «директивы» И. Н. Борисовой и побудительные речевые действия В. Гладрова и Е. Г. Которовой. В конфликтных ситуациях герои-интеллигенты нередко обращаются к перформативным глаголам:

Таня. Я запрещаю вам его оскорблять. Да, у Геннадия трудный характер. Люди долго были к нему несправедливы, но в душе он поэт [17, с. 254].

Колпаков (Тане). Предупреждаю тебя, он дождетя... [17, с. 255].

С другой стороны, для речи интеллигентов не характерны глаголы физического воздействия. В примере реплика, сказанная героем, формально адресована девушке, однако ее цель заключается в воздействии на присутствующего при разговоре другого персонажа. В этом контексте

слово «дождаться» означает 'довести себя до чего-нибудь неприятного своим поведением'.

На наш взгляд, для конструирования модели речевого поведения героя-интеллекта необходим комплексный подход. Контрастивное исследование позволит сравнить коммуникативные особенности поведения представителей разных социальных групп в типовых коммуникативных ситуациях и выявить специфические модели речевого поведения, с помощью которых авторы создают образ героя-интеллекта 60–80-х гг. XX в. Представляется перспективным рассмотреть различные коммуникативные ситуации в художественных текстах с участием только представителей интеллигенции или героя-интеллекта и представителя другой социальной группы. При анализе необходимо учитывать формальные и неформальные ситуации общения, статус коммуникантов и другие экстралингвистические факторы, в частности, принадлежность персонажей к творческой или научно-технической интеллигенции.

Список литературы

1. Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М. : Наука, 1968. С. 225–235.
2. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
3. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 25–61.
4. Борисова М. Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1970. 198 с.
5. Языковые процессы современной русской художественной литературы: проза / Н. А. Кожевникова, В. В. Одинцов, Т. Г. Винокур [и др.] ; отв. ред. : А. И. Горшков, А. Д. Григорьева. М. : Наука, 1977. 336 с.
6. Полищук Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1979. С. 188–199.
7. Виноградов В. В. Избранные труды : в 5 т. Т. 5. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.
8. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1983. 80 с.
9. Зайцева И. П. Современная драматургическая речь: Структура, семантика, стилистика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 444 с.
10. Каримова И. Р. Коммуникативная организация драматического произведения: На материале пьес А. Галича, В. Максимова, А. Вампилова : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 141 с.
11. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
12. Казанкова Е. А. Исследование речевого общения в лингвистике, лингвистической поэтике и семиотике // Acta Linguistica. 2012. Т. 6, № 1. URL: <https://www.acta-linguistica.com/journal/index.php/al/article/viewFile/1/16> (дата обращения: 09.03.2022).
13. Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. М. : МПГУ, 2003. 348 с.
14. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л. : Советский писатель, 1979. 224 с.
15. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. 2-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2011. 240 с.
16. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
17. Зорин Л. Энциклопедисты // Зорин Л. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 213–280.
18. Зорин Л. Покровские ворота // Зорин Л. Покровские ворота : пьесы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 113–182.
19. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 513 с.
20. Зорин Л. Транзит // Зорин Л. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 447–492.
21. Зорин Л. Добряки // Зорин Л. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 143–212.
22. Хисамова Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина). М. : МПГУ, 2007. 352 с.
23. Ишмуратова С. Р. Речевое поведение персонажа в художественном тексте (на материале художественной прозы В. П. Астафьева и В. М. Шукшина) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 172 с.
24. Чеботникова Т. А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. 230 с.
25. Шильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений Аркадия и Бориса Стругацких) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
26. Полубиченко Л. В. Коллективная культурно-языковая личность москвича в романе «Мастер и Маргарита» и его англоязычных переводах // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек в современном мире. 2021. № 2. С. 72–77. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.21.02.P.072>
27. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5–25.
28. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. 172 с.
29. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. М. : Либроком, 2009. 320 с.

30. Борисова И. Н. Непрямая коммуникация в речевой систематике // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. URL: [http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaaya-i-nepryamaaya-kommunikaciya](http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaaya-kommunikaciya) (дата обращения: 09.03.2022).
31. Борисова И. Н. Речевой поступок как единица коммуникативной практики // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 4 (7). С. 88–97.
32. Гетте Е. Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 268 с.
33. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 27–39. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-2-12-27-39>
34. Бабенко Л. Г., Ползунова М. В. Речевой поступок и речевой акт в структуре речевого жанра «Объяснение в любви» на материале художественного произведения Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2008. № 16 (116). С. 13–19.
35. Зорин Л. Измена // Зорин Л. Покровские ворота : пьесы. М. : Советский писатель, 1979. С. 557–591.

Поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 06.05.2022